
И.Е. Суриков

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПИСЬМЕННОСТЬ В АНТИЧНОМ ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОРРЕЛЯЦИИ ДВУХ СФЕР

В статье указывается на связи, которые существовали в античной Греции между политогенезом и эволюцией систем письменности, отмечается фактически параллельный характер соответствующих процессов как в общем плане, так и на материале сравнительного анализа ситуации в трех регионах (Аттика, Крит, Кипр), имевших в обеих сферах принципиальное отличие друг от друга.

Ключевые слова: письменность, алфавит, силлабарий, греки, финикийцы, Аттика, Крит, Кипр, демократия, олигархия, монархия

Для нас совершенно несомненно, что специфика политогенеза в каждом конкретном социуме находится в определенном соотношении со спецификой функционирования письменности в том же социуме (имеются в виду тип письма, сферы его применения, степень распространенности). Говоря пока в самой общей форме, обратимся хотя бы к такому примеру.

Отнюдь нельзя считать чисто случайным совпадением по хронологии тот факт, что в античной Греции абсолютно в одно и то же время имели место два чрезвычайно важных явления: с одной стороны, формирование государственности в уникальной по мировым масштабам полисной форме, с другой же стороны – появление и распространение алфавитной письменности, тоже вещи для тех времен абсолютно беспрецедентной.

Можно данный тезис даже конкретизировать путем сопоставления диахронного развития двух процессов. В IX в. до н.э. оба они, так сказать, «балансируют на грани возникновения»: в сфере политогенеза протополисы еще не оформились в полисы, но уже близки к тому, а в сфере письменности греческий алфавит тоже еще не сложился, но всё к тому идет (возможно, его появление следует-таки отнести к самому концу этого столетия, см. ниже);

во всяком случае, в некоторых регионах Эллады (например, на Крите, см.: Coldstream 2003. P. 405; Stampolidis, Kotsonas 2006) греки уже сталкиваются с письмом финикийцев, которое потом легло в основу их собственного.

Далее, в VIII в. до н.э., начинается процесс становления полиса (Snodgrass 1981; Starr 1986; Morris 1989; Hall 2014), и в том же столетии памятники греческой алфавитной письменности уже однозначно зафиксированы, но пока они еще весьма редки. Во всяком случае, они весьма редки в первой половине века; но и это закономерно: «старт» процесса формирования полиса в развитых регионах тогдашней Греции (таких как Афины, Аргос, Коринф) относят как раз к периоду около 750 г. до н.э. (Morris 1989; Kōiv 2003; Суриков 2013а).

Наконец, в VII в. до н.э. полис (пока как архаический полис, см. к типологии: Суриков 2010. С. 14 сл.) уже вполне сложился, и опять же совершенно не случайно, что тогда же в греческом мире начинает несравненно более широко употребляться письменность, причем для самых разных целей – от фиксирования законов и вплоть до досужих «туристских» надписей на достопримечательностях в духе «Киса и Ося были здесь» (да, это не шутка; см. наш комментированный перевод того, что понаписали греки в начале VI в. до н.э. на ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле, на юге Египта: Суриков 2014. С. 232).

Кстати, возвращаясь к вопросу о конкретном времени появления алфавита, попробуем данный момент несколько уточнить и прояснить (формулируемые ниже положения ранее частично высказывались нами в тезисной форме: Суриков 2013б; 2016; 2018). Если еще в фундаментальном труде Л. Джеффри (Jeffery 1963) однозначно утверждалось, что интересующее нас событие следует относить ко второй половине VIII в. до н.э., то теперь ясно, что его надлежит несколько «удревнить».

Здесь необходимо отметить, что, хотя только что упомянутый труд является в полной мере классическим и среди литературы о греческой письменности поныне не имеет себе равных по богатству приводимого источникового материала (главная заслуга Джеффри – в исключительно скрупулезном изучении локальных и диалектальных вариантов букв в ранних эллинских надписях), с точки зрения концептуальной оригинальности нам наиболее импонируют сделанные позже выкладки Б. Пауэлла. Последний вначале опубликовал интереснейшую статью «Почему был изобретен

греческий алфавит?» (Powell 1989), а затем развил свою аргументацию в монографии «Гомер и происхождение греческого алфавита» (Powell 1991). Немалое место занимает интересующая нас проблематика и в его общих работах о гомеровском эпосе (Powell 1997; 2004. P. 1–61).

Тем временем была открыта древнегреческая надпись, которая ныне признается самой-самой ранней (о ней см.: Ridgway 1996); ее датируют самым началом VIII или, может быть, даже рубежом IX–VIII вв. до н.э. Сам Б. Пауэлл считает наиболее вероятным временем появления алфавита первые десятилетия VIII в. до н.э.

Пауэлл – решительный приверженец теории моногенеза в спорах о происхождении греческого алфавитного письма. Иными словами, он настаивает, что алфавит – не продукт долгих и трудных усилий многих поколений (как полагала, например, та же Л. Джеффри), а дело ума и рук некоего конкретного человека (в связи с этим он и припоминает известное выражение великого Виламовица о «творце алфавита» – *ein unbekannte Wohltäter*, «неведомый благодетель»: Wilamowitz-Moellendorff 1884. S. 289).

Правда, относительно личности этого конкретного человека нам трудно согласиться с Пауэллом. Его «кандидатура» на роль творца алфавита – эвбейский герой Паламед. Но не будем забывать о том, что Паламед – мифологический персонаж, участник Троянской войны. А война эта имела место не позже первой четверти XII в. до н.э., и, соответственно, если у Паламеда имелся исторический прототип, он должен был жить именно тогда. Но для тех времен об алфавите еще не может быть и речи.

Вообще говоря, Б. Пауэлл в своих работах очень многое пишет как бы «в пику» Джеффри. В частности, Джеффри не считала, что греческий алфавит – первый в мире, поскольку признавала западносемитские письменности (в том числе финикийскую, непосредственную предшественницу греческой) тоже уже алфавитными. Однако Пауэлл, опираясь на наблюдения И. Гельба (Gelb 1963; русский перевод см.: Гельб 1982), четко демонстрирует, что письменности западных семитов в действительности представляли собой не алфавит, а финальную, наиболее совершенную стадию развития слогового письма (силлабария). В них знак деноотирует сочетание «конкретный согласный плюс любой гласный» (например, b^x , g^x , d^x и т.п.).

В результате, например, у финикийцев было 22 знака, и это может восприниматься (несколько превратно) как «алфавит из одних

согласных». Греки же ввели специальные знаки для гласных, что было воистину прорывом. Только письменность, имеющая знаки (буквы) для каждого звука использующего его языка, может считаться в полном смысле алфавитной.

Еще один принципиальнейший тезис Б. Пауэлла: если для Джеффри, как и для подавляющего большинства других специалистов, главной причиной введения греками алфавита была экономическая необходимость (ведение купеческих записей), то Пауэлл настаивает, что алфавит был создан для записи поэм Гомера. Парадоксальная, но глубоко импонирующая идея! Впервые она была высказана в середине XX в. видным антиковедом Г. Уэйд-Гери (Wade-Gery 1950), но скорее мимоходом и без детальной системы доказательств, а Пауэлл как раз такую систему и предлагает. Не будем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку планируем посвятить ему отдельное исследование. Лишь вкратце отметим два момента.

Во-первых, среди самых ранних древнегреческих надписей (VIII в. до н.э. и начала VII в. до н.э.) очень велик процент стихотворных, причем сделанных именно эпическим гекзаметром, а вот хозяйственных документов нет вообще. Во-вторых, вернемся к проблеме введения гласных. Для купеческих записей они, строго говоря, не нужны, и ведь обходились же веками финикийские торговцы без гласных, не ощущая ни малейшего дискомфорта. А вот греческую поэзию с ее метрикой и просодией, основанной на различении долгих и кратких гласных, просто нельзя было адекватно фиксировать в письменном виде без наличия особых букв для гласных звуков. Прочитируем новейшую работу: «Эпос Гомера, безусловно, не мог бы быть записан в его существующей форме без использования алфавитного письма» (Janko 2015. P. 27).

Что касается конкретного места появления греческого алфавита, то, если говорить в самом общем виде, ясно, что это – зона ионийских диалектов. Например, заметим, со своей стороны, что только этим может объясняться отсутствие у греков букв для [ā] и [h] (последний звук позже обычно передавался посредством *spiritus asper*, но, например, в староаттическом алфавите для него использовалась *эта*). Дело в том, что именно в ионийских диалектах [ā] переходил в [ē], а [h] элиминировался в результате так называемого силосиса.

Если говорить конкретнее, то Б. Пауэлл не сомневается, что нужно искать корни алфавитной письменности где-то в ареале

деятельности эвбейцев (тем более что их диалект как раз относился к ионийским). В X–VIII вв. до н.э. именно Эвбея шла, так сказать, в авангарде всей Эллады (Суриков 2017. С. 86 сл., 119 сл.). Эвбейские мореходы, с одной стороны, первыми из эллинов после «темных веков» возобновили плавание к восточному побережью Средиземного моря, где процветали западносемитские письменности. С другой стороны, они первыми же в ту эпоху начали плавать и на запад, в Италию. Оговоримся в связи со сказанным, что именно из Италии, из Лация, происходит самая ранняя греческая алфавитная надпись, о которой упоминалось выше, – ΕΥΛΙΝ, т.е., видимо, εὐλίνο(ς). В ту весьма давнюю эпоху у итальянских берегов из греков бывали только эвбейцы, чуть позже основавшие в соседней с Лацием Кампанией свои первые колонии.

Одним словом, против «эвбейской» локализации происхождения алфавита, на наш взгляд, трудно что-либо возразить. Тем не менее возражения раздавались. В частности, чуть позже Б. Пауэлла собственные концептуальные построения на ту же тему предложил Р. Вудард (см. прежде всего монографию: Woodard 1997; ср. также: Woodard 2010).

Этот исследователь датирует появление греческого алфавита несколько более ранним временем, нежели Пауэлл, а именно второй половиной IX в. до н.э. Такой хронологии действительно нельзя полностью исключать, а вот относительно места, где произошло это событие, мы решительно не можем согласиться с Вудардом. Он считает, что здесь следует говорить не об Эвбее или каком-либо из основанных эвбейцами поселений, а о Кипре.

Подобное предположение представляется нам неприемлемым, и вот почему. Об особенностях ситуации с письменностью на «острове Афродиты» будет подробно говориться ближе к концу настоящей статьи. Пока же вкратце отметим следующее. У греков-киприотов имела хождение не алфавитная, а слоговая письменность, причем, что особенно интересно, они оказались привержены ей даже тогда, когда у эллинов Эгеиды уже возник алфавит, и не перешли на него, а продолжали упорно пользоваться своим силлабарием вплоть до рубежа эпох классики и эллинизма.

Было бы в высшей степени удивительно, если бы киприоты изобрели алфавитное письмо, но не для себя самих, а для других, – так сказать, «на экспорт», – для собственных же нужд удержав письмо более примитивного и неудобного типа. Попытка Р. Вударда объяснить постулируемый им феномен фактически сводит-

ся к набору общих фраз и совершенно не выглядит убедительной (ср. критику: Gates 2010. P. 45).

В высшей степени характерен, в частности, вот какой факт. Эгейские греки, как только изобрели алфавит, сразу же, уже в VIII в. до н.э., начали записывать гексаметры. Киприоты этому примеру отнюдь не последовали – ни тогда, ни позже. Известна всего лишь *одна-единственная* кипрская силлабическая надпись, содержащая гексаметрические строки (Powell 1991. P. 110 ff.), и это, между прочим, как раз такого рода исключение, которое только подтверждает правило: упомянутый памятник с предельной ясностью демонстрирует, насколько все-таки слабо пригодна силлабика для передачи античной поэзии. Да и в целом отмечалось (Sherratt 2003. P. 238), что пути эволюции систем письменности в Греции как таковой и на Кипре были принципиально разными.

* * *

Итак, эвбейские города (Левканди, затем Эретрия и Халкида) являлись в период самой ранней архаики наиболее развитыми во всем греческом мире, и в то же время с наибольшей степенью вероятности следует признать именно Эвбею (или, точнее, зону деятельности ее жителей) родиной алфавита. Таким образом, определенная корреляция уже налицо.

Можно ли придать сделанному наблюдению обобщающий характер? В категоричной форме – скорее нет. Сразу хотим подчеркнуть: пожалуй, нельзя усматривать в имеющемся материале прямой и однозначной зависимости по принципу «чем развитее регион – тем употребительнее в нём письменность». Тем не менее, если подходить к проблеме более тонко, все-таки и на конкретном уровне можно уловить некую системную связь между особенностями политогенеза и особенностями письменной традиции. Далее как раз на этом мы и остановимся, проведя сопоставительный анализ трех очень непохожих друг на друга примеров.

1. Аттика. Территория афинского полиса относится, судя по всем данным, к тем регионам, в которых алфавитная письменность получила распространение весьма рано. В распоряжении ученых есть аттические надписи VIII в. до н.э., в том числе, например, самая ранняя сохранившаяся греческая надпись на камне (конца VIII в. до н.э.); она, впрочем, плохо сохранилась, и смысл ее невразумителен (текст см.: Jeffery 1963. P. 401; Powell 1991. P. 150).

В подавляющем же большинстве первые памятники греческой эпиграфики представляют собой граффити на керамике. Один из примеров – текст, который Б. Пауэлл назвал «самой знаменитой из ранних греческих надписей» (Powell 1991. P. 158). Это так называемая Дипилонская надпись, именуемая так потому, что была найдена близ Дипилонских ворот в афинском Керамике, квартале гончаров. Точнее, в будущем Керамике, поскольку в VIII в. до н.э. эта зона еще не была жилой и использовалась для некрополя.

Интересующее нас граффито, сделанное на ойнохое позднегеометрического стиля (направление букв – справа налево, как часто бывает в древнейших греческих надписях), ныне надежно датируется 730-ми годами до н.э. (текст см.: Jeffery 1963. P. 401; Powell 1991. P. 159). Надпись содержит гекзаметрический отрывок (одну полную строку и начало второй), который имеет смысл привести:

ἄος νῦν ὄρχηστον πάντων ἀταλότατα παίζει | τὸ τὸδε

Для большей легкости восприятия преобразуем староаттические написания в привычные ионийские:

Ἄος νῦν ὄρχηστῶν πάντων ἀταλότατα παίζει,
Τὸ τὸδε...

Кто ныне из плясунов резвится всех веселее,
Этот тому...

Явно имеется в виду, что самому резвому танцору достанется в награду надписанный сосуд. Гекзаметр не окончен, и далее следует несколько букв, в совокупности не дающих смысла. В любом случае ясно, что перед нами надпись частного характера (именно таковые, а не официальные, безусловно преобладали почти во всех греческих центрах на первом этапе функционирования алфавитной письменности), и практически нет сомнения в том, что она имеет отношение к симпозиальной тематике.

Удивляться столь раннему появлению алфавита в Аттике не приходится, если признавать эвбейский приоритет в изобретении самого этого новшества. Афины как минимум с начала I тыс. до н.э. поддерживали тесные связи с находившейся совсем неподалеку Эвбеей; в частности, на эвбейцев повлияли аттические протогеометрические и геометрические вазописные стили, и не исключено, что в тот период афинские расписные сосуды развозили

по разным местам именно эвбейские торговцы (Coldstream 2003. P. 384).

Позже, в VI в. до н.э., Афины в результате реформ Солона встали в полном смысле слова на путь «модернизации» (о значимости солоновской деятельности для этого процесса см., например: Raaflaub, Ober, Wallace 2007. P. 49–82; Dmitriev 2018. P. 128–167). В результате данный полис с какого-то момента начал сильно отличаться по своей государственной инфраструктуре от всех остальных. Особенно сильно это ощущалось в V–IV вв. до н.э., когда функционировала классическая афинская демократия. В тот же период и судьбы письменности в Афинах были, в общем-то, тоже иными, нежели в каком-либо другом месте Эллады.

Письменных памятников, происходящих из Афин, сохранилось, как известно каждому, чрезвычайно много. Речь идет о памятниках практически всех возможных категорий. Если говорить о древнегреческой нарративной традиции, то ведь львиную долю в ней (во всяком случае, если говорить о доэллинистическом времени, а только оно нас здесь и интересует) занимают сочинения афинских авторов (афинских если не по месту рождения, то, по крайней мере, по факту многолетнего пребывания в «городе Паллады» – вспомним Анаксагора, Протагора, Лисия, Аристотеля, Эфора, Феопомпа – да имя им легион).

Если говорить об эпиграфических памятниках, перед нами аналогичная ситуация – ни из какого иного центра не происходит столь же много лапидарных надписей, сколь из Аттики. Вспомним хотя бы о знаменитых декретах (псефисмах) афинского народного собрания, которые являются воистину украшением любого издания лучших образчиков греческой эпиграфики. Не случайно в обобщающем труде о псефисмах в эллинических государствах (Rhodes, Lewis 1997) материал из Афин занимает наиболее видное место. Постановления экклесии, в огромном количестве выставленные повсюду на территории города (особенно в общественных местах, таких как агора и ее окрестности) и потому легко доступные для ознакомления каждому желающему, выполненные часто стойхедоном, что придавало им особую стройную красоту, являлись одним из главных зримых символов величия, мощи и свободы демократического афинского полиса.

Есть, правда, точка зрения (ее наиболее убежденно, из работы в работу отстаивает Ч. Хедрик: Hedrick 1993; 1994; 2006; ср. также: Thomas 1991), согласно которой эти псефисмы только символом

и были. По мнению Хедрика, большинство афинских граждан якобы не могло прочесть надписи общественного характера. Тем более что стойхедон вообще трудно читается: ведь в нём не делалось разрывов между словами. Эти надписи, таким образом, вырезались не для того, чтобы их читали, а с чисто символическими целями. Но тут перед нами явно утрированное суждение. Изготавливать монументальные эпиграфические памятники, размером порой в сотни строк, и при этом предназначенные не для чтения, а для чего-то другого? Это отдаёт абсурдом.

Кроме того, действительно массовое распространение грамотности в Афинах подтверждается большим процентом надписей частного характера (даже уже в архаическую эпоху). А уж самым блестящим свидетельством, говорящим о том же, является обилие таких уникальных и в то же время характерных памятников малой эпиграфики, как остраконы для остракизма (о них наиболее подробно см. в нашей книге: Суриков 2006), каковых на сегодняшний день открыто более десятка тысяч, и это лишь малая толика от того их количества, которое наличествовало в V в. до н.э. Само учреждение процедуры остракизма – голосования надписанными черепками – не могло не исходить из той предпосылки, что *каждый* гражданин достаточно грамотен, чтобы нанести такую надпись. А кто умеет писать, тот, естественно, умеет и читать.

Тезис же о том, что стойхедон трудно читать, – вопиюще субъективен. Из того, что его с трудом читает современный ученый, отнюдь не вытекает, что над ним так же мучился древний грек. В рамках любой письменной культуры достаточно легко читать те формы письма, к которым представители данной культуры приучены с детства, и, соответственно, нелегко – те, к которым они не приучены. Европейцу, изучающему, скажем, арабский язык, с немалыми усилиями дается его алфавит, а сами арабы, естественно, понимают его знаки без каких-либо проблем, но, с другой стороны, надо думать, испытывают аналогичные сложности при овладении латиницей.

Развитая демократия (а вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что классическая афинская демократия была развитой) немислима без массовой грамотности. Участие в политической жизни, занятие магистратур, которое в V–IV вв. до н.э. было доступно всем членам гражданского коллектива афинского полиса, предполагало владение в тех или иных пределах искусством чтения и письма. Неграмотность служила предметом шуток, высмеивания в комедиях

и т.п. (например, Aristoph. Equ. 188 sq.; ср.: Burns 1981. P. 385). Отнюдь не случайно, что в надписях на остраконах мы находим большое разнообразие. Используются различные направления письма, от обычного до бустрофедона, буквы различных алфавитов (староаттического, ионийского). Всё это свидетельствует о широком распространении грамотности в различных слоях населения, не только в кругу элиты. И пусть порой надписи выглядят неуклюже, встречаются ошибки и фальстарты – дело здесь не только (пожалуй, даже не столько) в малограмотности, но и в трудности процарапывания букв на глиняных черепках. А самое главное – сколько бы ошибок ни делали те или иные граждане, писать они все же умели. Пусть их грамотность находилась на невысоком уровне, но назвать их неграмотными всё же никак нельзя.

По заслуживающему доверия свидетельству Платона (Plat. Apol. 26de), в Афинах второй половины V в. до н.э. существовали книжные лавки, в которых можно было купить (и недорого) сочинения Анаксагора. Нужно полагать, что ради одного Анаксагора торговлю устраивать бы не стали, и, значит, наряду с ним продавались произведения и других авторов – философов, историков, поэтов. А коль скоро это так, стало быть, эта продукция находила спрос среди афинских граждан. Теперь зададимся несложным вопросом: многие ли из наших современников готовы читать – ну, пусть не архаичного Анаксагора, а хотя бы кого-нибудь из современных мыслителей, Хайдеггера, например? Ответ, думается, ясен, и ответ этот явно не в нашу пользу. Не так-то и далеко ушли мы от греков (и еще неизвестно, в какую сторону), чтобы позволить себе смотреть на них свысока. В демократическом полисе, каким были Афины, интеллектуальная жизнь буквально бурлила (а иначе и быть не могло), захватывая отнюдь не только элиту, но и широкие слои гражданства. Ярко демонстрирует это аттическая трагедия Эсхила, Софокла, Еврипида, которая ставила глубочайшие этические, религиозные, философские проблемы и при этом была в полном смысле слова массовым жанром¹. Это было бы вряд ли возможно без повсеместного распространения грамотности.

Граждане классического афинского полиса представляли собой в некотором отношении, так сказать, «социум писцов» (ср.: Суриков 2013в). В высшей степени закономерно, что именно в

¹ Иначе как безответственным не можем назвать утверждение Р. Уоллеса о том, что афиняне V в. до н.э. якобы «не понимали» свою драматическую поэзию (Wallace 1996. P. 204).

Афинах, на Агоре, существовал Метроон (о нем см.: Sickinger 1999. 114 ff.) – самый знаменитый для доэллинистического времени архив, т.е. помещение, специально приспособленное для хранения письменных документов.

2. Крит. Полисы самого южного и самого крупного острова Эгеиды характеризовались, по резкому контрасту с Афинами, олигархическим, даже крайне олигархическим характером государственного устройства (Willetts 1955). Не случайно, например, такой враг демократии, как Платон, видел именно в критских политических режимах один из главных образцов для создаваемой им модели утопического идеального государства, и в его итоговом труде «Законы» место действия – как раз Крит (Effenterre 1948). Последний, впрочем, отличался от Кипра, о котором речь пойдет чуть ниже (анализ различий см.: Peltenburg, Iacovou 2012), прежде всего тем, что критские политии были хотя и олигархическими, иерархичными, но всё же республиканскими, а кипрские – монархическими.

Соответственно, у критян и с письменностью наблюдается весьма специфическая ситуация. Остров часто считался в литературе одним из возможных «мест рождения» греческого алфавита (Jeffery 1963. P. 310), но это все-таки представляется сомнительным, да и алфавитных надписей VIII в. до н.э. на нём, кажется, пока не обнаружено.

Однако несомненен приоритет Крита в одной конкретной сфере – в юридической эпиграфике. Речь идет о законах и сводах законов; тексты такого характера начинают появляться именно в данном регионе эллинского мира ранее, нежели в каком-нибудь ином (Gagarin 2011). В частности, самый древний закон происходит именно с Крита, из города Дрероса. Он датируется второй половиной VII в. до н.э. и гласит следующее (переводим по тексту, приведенному в: Meiggs, Lewis 1989. P. 2):

Бог...² Следующее постановил город: если кто-то исполнил должность косма, ему десять лет не занимать должности косма. Если же он займет должность косма, то, что бы он ни присудил, он должен отдать в двойном размере, и он пожизненно теряет свои права на эту должность, и занятие им этой должности вменяется ни во что. Об этом должны принести клятву косм, представители демоса и двадцать от города.

² Далее вроде бы прочитывается слово, которое, вообще-то, обозначает «губительное», но такое значение сюда никоим образом не подходит. Мейггс и Льюис переводят «добрый», со знаком вопроса.

Перед нами – реалии типичной аристократической республики: запрещается одному и тому же лицу часто становиться космом (таково было название высшего магистрата в критских полисах). Цель принятой меры предельно ясна: воспрепятствовать концентрации власти в руках одного человека (несомненно, представителя высшей политической элиты) во избежание перерастания этой его власти в монархию.

Крит и в дальнейшем славился своим законодательством. Закономерно, что именно на нём была составлена самая большая, воистину гигантская древнегреческая надпись правового характера – свод законов из Гортины (известный как «Гортинская правда», о ней см.: Gagarin 2004; Davies 2005). Последний, правда, относится уже к классической эпохе.

Дж.-П. Вильсон в связи с социумами типа критского говорит о «писцовой грамотности» (*scribal literacy*), которая определяется так: «Грамотность фактически ограничивается небольшой группой специалистов, для которой умение писать является специализированным (и иногда передающимся по наследству) мастерством» (Wilson 2009. P. 561). Это значительно ближе к древневосточным обществам, чем та ситуация, которая была налицо в Афинах. С указанным обстоятельством напрямую связано другое – на Крите публичные надписи (особенно законы) преобладают над частными³, даже в чисто количественном отношении. В Афинах всё в точности наоборот, больший контраст трудно себе представить.

Для иллюстрации данного положения дадим в сопоставлении некоторые цифровые данные (по: Wilson 2009. P. 560). Для хронологического отрезка, охватывающего вторую половину VI в. до н.э., известны следующие эпитафические памятники из Аттики: 101 посвящение, 66 надгробных надписей, 32 граффити, 531 дипинти (всё это надписи частного характера) – и при этом 4 закона. А вот соответствующие данные для того же хронологического отрезка на Крите: 2 посвящения, 1 надгробная надпись, 4 граффити, 0 дипинти – и при этом 16 законов! Иными словами, законов в два с лишним раза больше, чем всех остальных надписей, вместе взятых. Числа говорят сами за себя. Но, может быть, данный период являет собой исключение? Что ж, приведем данные для предыдущего, охватывающего первую половину VI в. до н.э. Аттика: 35 посвящений,

³ К частным письменным документам относятся, например, письма. Совсем недавно появилась интересная монография (Sarrì 2018), в которой феномен античного письма (ἐπιστολή) рассматривается именно как компонент культуры письменности.

12 надгробных надписей, 63 граффити, 45 дипинти – и при этом 0 законов. Крит: 0 посвящений, 0 надгробных надписей, 0 граффити, 0 дипинти – и при этом 7 законов. Как видим, перед нами не какие-то случайные соотношения, а устойчивая тенденция.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов фактор неполной (мягко говоря!) сохранности памятников. Так, в Афинах в первой половине VI в. до н.э. был принят знаменитый свод законов Солона. Если бы какие-то его фрагменты дошли до нашего времени, то числа в вышеприведенной аттической статистике были бы иными. Но, увы, таких фрагментов нет в распоряжении ученых, и солонские законы приходится реконструировать по упоминаниям и цитатам в письменных источниках (наиболее авторитетные из таких реконструкций: Ruschenbusch 1966; Leão, Rhodes 2016).

Логично все же исходить из того, что утраты коснулись примерно в равной пропорции всех основных сфер эпиграфики. Соответственно, числовые данные, которые мы имеем, следует считать в целом репрезентативными, и их сравнение дает основания для достаточно далеко идущих выводов. Письменная культура критян со всей очевидностью характеризовалась такими чертами, как дисциплина и законопослушание.

3. Кипр. Ситуация же в эллинских полисах «острова Афродиты» и вовсе беспрецедентна. С одной стороны, с точки зрения государственных структур на Кипре мы имеем положение, не встречающее близких параллелей у других греков: в государствах данного региона вплоть до начала эпохи эллинизма сохранялась традиционная царская власть (Mehl 2004; Евдокимов 2016). Это, подчеркнем, воистину уникальный феномен, ибо древнегреческий полис в целом уже с архаического периода конституировал себя как подчеркнуто республиканская организация. Повсюду монархии были рано ликвидированы, а на Кипре – нет, там они удержались.

Цари городов греков-киприотов отличались необыкновенным консерватизмом. Они на протяжении многих столетий сознательно придерживались древних традиций, весьма напоминающих те реалии, которые, в частности, отражены в гомеровских поэмах. «Эпический стиль жизни» этих басилеев ярко проявился, в числе прочего, и в тех роскошных погребениях, которым они подвергались после кончины (см., например, на материале из Саламина Кипрского – крупнейшего греческого центра на острове: Karageorghis 1969).

Перейдем теперь к сфере письменности. И тут тоже встречаем необычное положение. Из всех греков только киприоты вплоть

до начала эллинистического времени не перешли на алфавит, а пользовались силлабарием. Кипрское слоговое письмо и созданные при его помощи эпиграфические памятники были в свое время детально изучены в классическом труде О. Массона (Masson 1961), а о современном состоянии проблемы наиболее полное представление дает недавно вышедшая коллективная монография (Syllabic Writing 2013).

Рассматривать данный круг вопросов надлежит в общем эгейском и – шире – восточносредиземноморском контексте (в связи с этим контекстом см.: Morpurgo Davies 1986; Morpurgo Davies, Olivier 2012). В результате получаем следующую картину. Силлабарии бытовали на Кипре уже во II тыс. до н.э. Ранее в науке употреблялись термины «кипро-минойское письмо» или даже «линейное письмо С». Ныне же можно считать установленным, что речь следует вести не об одной, а о нескольких параллельно существовавших системах слоговой письменности, хотя родственных друг другу, но имевших и различия. Все они произошли в конечном счете от крито-минойского линейного письма А, а использовались для передачи слов догреческого субстратного «этеокипрского» языка.

Казалось бы, в том, что именно на основе этих кипро-минойских письменностей возник, в свою очередь, кипрский силлабарий I тыс. до н.э., употреблявшийся уже греками острова, никаких сомнений априори быть не должно. Однако же этот тезис долгое время фигурировал в литературе всего лишь как «весьма вероятная гипотеза», и причиной тому – нередкая в науке проблема «недостающего звена»: не прослеживался континуитет, не удавалось опознать «промежуточных» между двумя письменностями памятников, которые относились бы к периоду «темных веков».

Но на сегодняшний день можно смело говорить, что этой проблемы больше не существует: искомые надписи стали известны. И пусть они буквально единичны – дело не в количестве: в любом случае они позволяют ответственно говорить о прямой, непосредственной связи кипрских слоговых письменностей двух тысячелетий. Наиболее показательна так называемая надпись Офельта (о ней см.: Egetmeyer 2013), относительно которой даже среди специалистов нет единого мнения: то ли это самый поздний кипро-минойский текст, то ли самый ранний кипро-силлабический. Стало быть, он является в полной мере переходным. Упомянутое же в нем имя Офельт, бесспорно, является греческим (Pape 1911. S. 1099; Fraser, Matthews 1987. P. 355).

Как нам представляется, сохранение эллинами-киприотами слогового письма и как бы игнорирование алфавита, уже вполне развитого у греков Эгеиды, – явление того же порядка, что и сохранение ими монархий, т.е. проявление всё того же консерватизма, о котором говорилось выше. Не случайно также, что время ликвидации кипрских греческих царств и отказа от силлабария фактически совпадает. Весь этот набор фактов опять же однозначно производит впечатление взаимосвязанных элементов целостного комплекса, говорит о корреляции сфер политического и культурного менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

- Гельб И.Е.* Опыт изучения письма. М., 1982.
- Евдокимов П.А.* Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб., 2016. С. 76–118.
- Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
- Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: курс лекций / под ред. В.В. Дементьевой, И.Е. Сурикова. М., 2010. С. 8–54.
- Суриков И.Е.* Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43 (а).
- Суриков И.Е.* Были ли экономическими причины появления алфавитной письменности в античной Греции? // ВЕДС-XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 245–249 (б).
- Суриков И.Е.* Афинские граждане архаической и классической эпох как писцы // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2013. № 17 (118). С. 181–204 (в).
- Суриков И.Е.* Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. СПб., 2014. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции.
- Суриков И.Е.* Письменность и политогенез в античном греческом мире: сравнительный анализ трех разнохарактерных вариантов (Аттика, Крит, Кипр) // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 272–277.
- Суриков И.Е.* «Молчат гробницы»? Археология античной Греции. М., 2017.
- Суриков И.Е.* «Неведомый благодетель»: к вопросу о появлении алфавита // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном зна-

- нии: Материалы XXXI Международной научной конференции. М., 2018. С. 36–40.
- Burns A.* Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // *Journal of the History of Ideas.* 1981. Vol. 42, no. 3. P. 371–387.
- Coldstream J.N.* *Geometric Greece: 900–700 BC.* 2 ed. L.; N.Y., 2003.
- Davies J.* *The Gortyn Laws* // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / Ed. by M. Gagarin, D. Cohen. Cambridge, 2005. P. 305–327.
- Dmitriev S.* *The Birth of the Athenian Community: From Solon to Cleisthenes.* L.; N.Y., 2018.
- Effenterre H. van.* *La Crète et le monde grec de Platon à Polybe.* P., 1948.
- Egetmeyer M.* From the Cypro-Minoan to the Cypro-Greek Syllabaries: Linguistic Remarks on the Script Reform // *Syllabic Writing on Cyprus and its Context* / Ed. by P.M. Steele. Cambridge, 2013. P. 107–131.
- Fraser P.M., Matthews E.* *A Lexicon of Greek Personal Names.* Oxford, 1987. Vol. 1: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica.
- Gagarin M.* The Rule of Law in Gortyn // *The Law and the Courts in Ancient Greece* / Ed. by E.M. Harris, L. Rubinstein. L., 2004. P. 173–183.
- Gagarin M.* Writing Sacred Laws in Archaic and Classical Crete // *Sacred Words: Orality, Literacy and Religion* / Ed. by A.P.M.H. Lardinois, J. Blok, M.G.M. van der Poel. Leiden; Boston, 2011. P. 101–111.
- Gates C.* Greeks in the East: A View from Cilicia // *Archaic Greek Culture: History, Archaeology, Art & Museology. Proceedings of the International Round-Table Conference June 2005, St-Petersburg, Russia* / Ed. by S. Solovyov. Oxford, 2010. P. 41–45.
- Gelb I.J.* *A Study of Writing.* Chicago, 1963.
- Hall J.M.* *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE.* 2nd ed. Oxford, 2014.
- Hedrick C.W.* Writing and the Athenian Democracy // *The Birth of Democracy* / Ed by J. Ober, C.W. Hedrick. Athens, 1993. P. 7–11.
- Hedrick C.W.* Writing, Reading, and Democracy // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis* / Ed. by R. Osborne, S. Hornblower. Oxford, 1994. P. 157–174.
- Hedrick C.W.* *Ancient History: Monuments and Documents.* Oxford, 2006.
- Janko R.* From Gabii and Gordion to Eretria and Methone: The Rise of the Greek Alphabet // *Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London.* 2015. Vol. 58, no. 1. P. 1–32.
- Jeffery L.H.* *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford, 1963.
- Karageorghis V.* *Salamis in Cyprus: Homeric, Hellenistic and Roman.* L., 1969.
- Kōiv M.* *Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth.* Tallinn, 2003.

- Leão D.F., Rhodes P.J.* The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary. L.; N.Y., 2016.
- Masson O.* Les inscriptions chypriotes syllabiques: Recueil critique et commenté. P., 1961.
- Mehl A.* Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // *Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία)*. 2004. Vol. 30. P. 9–21.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxford, 1989.
- Morpurgo Davies A.* Forms of Writing in the Ancient Mediterranean World // *The Written Word: Literacy in Transition* / Ed. by G. Baumann. Oxford, 1986. P. 51–76.
- Morpurgo Davies A., Olivier J.-P.* Syllabic Scripts and Languages in the Second and First Millennia B.C. // *Parallel Lives: Ancient Island Societies in Crete and Cyprus* / Ed. by G. Cadogan, M. Iacovou, K. Kopaka, J. Whitley. L., 2012. P. 105–118.
- Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1989.
- Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler. Ht. 2: Λ – Ω. Braunschweig, 1911.
- Peltenburg E., Iacovou M.* Crete and Cyprus: Contrasting Political Configurations // *Parallel Lives: Ancient Island Societies in Crete and Cyprus* / Ed. by G. Cadogan, M. Iacovou, K. Kopaka, J. Whitley. L., 2012. P. 345–363.
- Powell B.B.* Why was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence // *Classical Antiquity*. 1989. Vol. 8, no. 2. P. 321–350.
- Powell B.B.* Homer and the Origin of the Greek Alphabet. Cambridge, 1991.
- Powell B.B.* Homer and Writing // *A New Companion to Homer* / Ed. by I. Morris, B.B. Powell. Leiden; N.Y.; Köln, 1997. P. 3–32.
- Powell B.B.* Homer. Oxford, 2004.
- Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W.* Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007.
- Rhodes P.J., Lewis D.M.* The Decrees of the Greek States. Oxford, 1997.
- Ridgway D.* Greek Letters at Osteria dell’Osa // *Opuscula Romana*. 1996. Vol. 20. P. 87–97.
- Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwertes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966.
- Sarri A.* Material Aspects of Letter Writing in the Graeco-Roman World 500 BC – AD 300. B.; Boston, 2018.
- Sherratt S.* Visible Writing: Questions of Script and Identity in Early Iron Age Greece and Cyprus // *Oxford Journal of Archaeology*. 2003. Vol. 22, no. 3. P. 225–242.
- Sickingler J.P.* Public Records and Archives in Classical Athens. Chapel Hill; L., 1999.

- Snodgrass A.M.* Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley, 1981.
- Stampolidis M.C., Kotsonas A.* Phoenicians in Crete // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer / Ed. by S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos. Edinburgh, 2006. P. 337–360.
- Starr C.G.* Individual and Community: The Rise of the *Polis* 800–500 B.C. Oxford, 1986.
- Syllabic Writing on Cyprus and its Context / Ed. by P.M. Steele. Cambridge, 2013.
- Thomas R.* Literacy and the City-State in Archaic and Classical Greece // Literacy and Power in the Ancient World / Ed. by A.K. Bowman, G. Woolf. Cambridge, 1991. P. 33–50.
- Wade-Gery H.T.* The Poet of the Iliad. Cambridge, 1950.
- Wallace R.W.* Speech, Song and Text, Public and Private. Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 199–217.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Homerische Untersuchungen. B., 1884.
- Willets R.F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1955.
- Wilson J.-P.* Literacy // A Companion to Archaic Greece / Ed. by K.A. Raaflaub, H. van Wees. Oxford, 2009. P. 542–563.
- Woodard R.D.* Greek Writing from Knossos to Homer: A Linguistic Interpretation of the Origin of the Greek Alphabet and the Continuity of Ancient Greek Literacy. Oxford, 1997.
- Woodard R.D.* *Phoinikēia Grammata: An Alphabet for the Greek Language // A Companion to the Ancient Greek Language / Ed. by E.J. Bakker.* Oxford, 2010. P. 25–46.

Igor E. Surikov

STATEHOOD AND WRITING IN ANCIENT GREEK WORLD:
SOME ASPECTS OF CORRELATION OF THE TWO SPHERES

The author demonstrates the existence in Ancient Greece of a system of correlations between the political formation of states and the evolution of writing systems. It is possible to speak of a virtually parallel character of relevant developments in the two spheres. In the most general aspect, the emergence of the Greek *polis* and the birth of the Greek alphabet took place at the same time, and that was by no means an accidental coincidence. As to the question of concrete time and purposes of the invention of alphabetic writing, the author mostly follows points made by B. Powell, a consistent supporter of the monogenetic theory (alphabet appeared not as a result of long work of generations but was invented at some moment by a single person). According to Powell, the Greek alphabet was really the first one in the world, as he considers preceding

West Semitic scripts to be not of alphabetic but of syllabic type. Powell believes that the place of the invention of the alphabet was the island of Euboea, or, to be more strict, it happened somewhere in the very wide area of the early Euboeans' naval, commercial and colonizing activities. There is an alternative view (by R. Woodard), that the Greek alphabet was invented in Cyprus, but it seems much less probable.

In the second part of the article, the author turns to a comparative analysis of situations in three Greek regions (Attica, Crete, Cyprus), which were principally different as regards both to political evolution and to the functioning of writing. Athens, beginning with Solon's reforms, went the way of "modernization", which led eventually to the creation of classical democracy. In its conditions, the collective body of Athenian citizens proved to be a community of mass literacy (as can be seen particularly from inscriptions, such as assembly decrees, ostraka, etc.). To be a citizen of Athens meant, as a matter of fact, to be literate. In Crete, Greek states were, by contrast, of oligarchic character, being republics ruled by aristocrats. Correspondingly, in Cretan cities we find another kind of literacy that can be called "scribal literacy", limited to a small group of specialists. Another characteristic feature of Crete is the manifest prevalence of public inscriptions (mostly laws) over private ones, while in Attica the opposite was true even for the Archaic period. As for Cyprus, a unique phenomenon of the island was the conservation of monarchies, which had disappeared early in all other parts of the Greek world. Conservatism in general was very characteristic of the Cypriots, and it manifested itself also in the sphere of writing. When Aegean Greeks had already for a long time been using alphabet, Cyprian Greeks did not follow them and continued to use a syllabic script of the Bronze Age origins. Elimination of both, this script and Cyprian monarchies took place at the same time, during the Early Hellenistic period, and that, again, could not be a simple coincidence. To conclude with, on various levels, in Greek world as a whole as well as in its particular regions, there was a correlation between the political sphere and the sphere of writing and literacy.

Key words: writing, alphabet, syllabary, Greeks, Phoenicians, Attica, Crete, Cyprus, democracy, oligarchy, monarchy